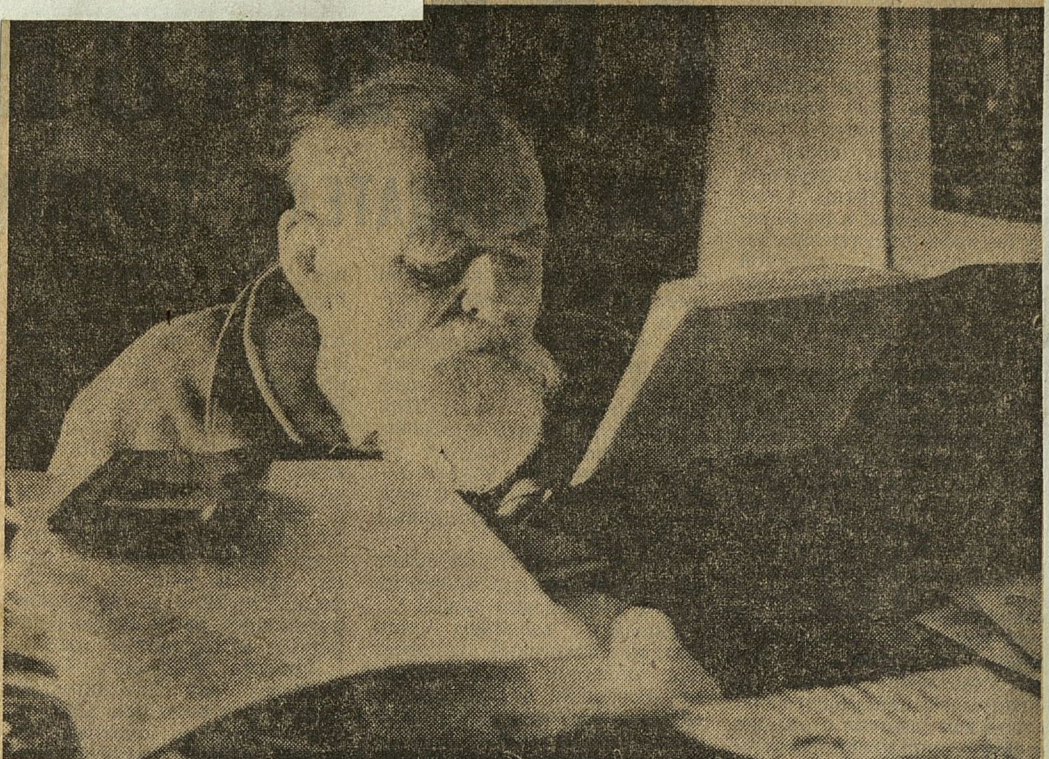

1 OKT 1977

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

люди искусства

ЗАВИДНАЯ СУДЬБА

Нина БОРДЮГ,

кандидат искусствоведения

Я вхожу в небольшую светлую комнату, вся обстановка которой — рояль, книжный шкаф, письменный стол у широкого окна, тахта и несколько стульев. Застаю обычную картину: низко склонившись над столом, что-то пишет седой человек с густой бородой. Это горьковский композитор Александр Александрович Касьянов — народный артист СССР, профессор, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки 1976 года. Два месяца назад Александр Александрович поставил последнюю точку в партитуре своей оперы «Степан Разин» (либретто Н. Бирюкова), над третьей редакцией которой трудился долгое время. И сейчас, спустя почти тридцать лет с того дня, когда горьковчане услышали эту оперу впервые, Театр оперы и балета имени А. С. Пушкина принялся за работу над ее новой постановкой. Совместную работу над «Степаном Разиным» композитор и театр посвятили знаменательной дате — 60-летию юбилею Советского государства.

Так сложилась творческая судьба Касьянова, что последние десять лет его неутомимой композиторской деятельности пролегают между двумя знаменательными датами в биографии нашей страны. И нужно сказать, что итог потрясает! И не только потому, что написано достаточное количество сочинений. Этому десятилетию предшествовал период долгой болезни закончившийся почти полной потерей слуха Глухота композитора! История музыкального искусства знает только один подобный случай... Бетховен. Он превозмог болезнь и создал множество гениальных произведений. Но известные факты, свидетельствующие о мучительном кризисе, который пережил композитор.

Александр Александрович тоже «перешагнул» этот рубеж. Просто написать «перешагнул», но каких мучений, физических и душевных, это стоило композитору — трудно даже вообразить! И, может быть, в особо тяжелые минуты перед его внутренним взором вставал облик великого Бетховена.

Вернувшись к сочинению музыки, Александр Александрович обратился к области, не совсем обычной для своего творчества, — к произведениям для фортепиано, как бы перечеркнув установившееся мнение о том, что Касьянов — вокальный композитор, автор трех опер, множества романсов, хороших опусов. В течение нескольких лет он написал цикл из 24 прелюдий, сонату, балладу и ряд миниатюрных пьес.

Особый успех выпал на долю прелюдий. Создание цикла называли подвигом художника. Да и как иначе назовешь, обозначишь то, что совершил композитор? И радовал не только сам факт создания нового сочинения. Поражали (и поражают!) прежде всего достоинства музыки — пианистичность, яркий почвенный мелодизм, интонационное и фактурное многообразие каждой прелюдии, их разноплановость, разнохарактерность. Цикл оказался сплавом разных жанров: то пьесы, близкие к танцевальным формам — полонезу, мазурке, вальсу, то это марш или колыбельная, некоторые миниатюры обладают почти зримой, картинной изобразительностью — словно автор задался целью воплотить образы природы — бурной и суровой, спокойной и величавой. От этой музыки веет русским, неповторимым. Чувствуется, что ее создавал человек, умудренный жизнью, большой и богатый событиями, художник, много осмысливший и переживший.

Александр Александрович показывает «Степана Разина» — раскрывает объемный клир и сразу же вводит в мир своей музыки: «Опера начинается без вступления, звучит хор бурлаков...» Игра композитора до сих пор достаточно технична: он играет за оркестр, поет за солистов и хор и только в редких случаях обращается ко мне, чтобы я подыграла «скрипкам» (или верх-

ним голосам хора). Это когда клавиш уже не вмещает всего размаха касьяновской музыки и над традиционными двумя строчками фортепианного изложения появляются еще две, как бы «разъясняющие» подразумеваемую партитуру.

Просмотр клавира занимает семь часов. И это потому, что в процессе показа автор посвящает в тонкости замысла, объясняет те или иные сценические ситуации, рассказывает о том, почему отказался в этой опере от цитирования народного материала и прибегнул к опосредованному воплощению мелодико-интонационных, ладовых, ритмических и жанровых особенностей русского музыкального фольклора, особенно волжского; акцентирует внимание на том, какие средства выбраны им для характеристики самых различных персонажей, и особенно обобщенного образа народа. Сцены, связанные с главным героем оперы, Степаном Разиным, — самые сильные страницы оперы, насыщенные драматизмом большого накала... И постепенно отпадает, становится праздным вопрос, почему возникла необходимость в третьей редакции «Степана Разина»: композитор отвечает на него своей музыкой — требовательный к себе до предела, он стремится к точности и емкости в характеристике каждой сценической ситуации, каждого персонажа.

...Часы общения с Александром Александровичем Касьяновым незабываемы. Беседуя, он часто отвлекается от собственной музыки, приводит на память множество примеров из опер, симфоний и других произведений русских композиторов, фрагментов, которые поразили его своеобразием мелодического рисунка, полифоническим или оркестровым мастерством, делает подчас ошеломляющие выводы, замечания... И все это излагается совершенно неповторимым «касьяновским» языком. Воспроизвести строй речи Александра Александровича, честно говоря, дело непосильное. Она глубоко интеллигентна, иногда в ней мелькают обороты, присущие русской речи конца XIX — начала XX веков, а иногда композитор специально прибегает к бытовизмам, столь характерным для нашей повседневной жизни при описании какой-нибудь комической ситуации. В его высказываниях часто сквозит юмор, он любит добрую шутку и острое, меткое словцо. И думается, что зафиксировать всю специфику речи Касьянова может только сам Касьянов.

Поэтому легко понять, с каким волнением земляки композитора ждут начала его работы над мемуарами: всем нам, живущим рядом с Касьяновым, было бы интересно узнать, как говорится, «из первых уст» многие еще неизвестные подробности о жизни и творчестве его старших современников — М. Балакирева, Н. Римского-Корсакова, А. Глазунова, о его дружбе с Ю. Шапориним, А. Хачатуряном, Н. Макаровой, А. Гауком и многими другими советскими композиторами и деятелями музыкального искусства. Не нужно забывать и о том, что Александр Александрович был свидетелем первых десятилетий Советской власти в Нижнем Новгороде — городе Горьком, «дух» этого времени передается никакими фактами, и только очевидец может запечатлеть многие нюансы той эпохи.

Многое достойно удивления в жизни Касьянова и преж-

де всего его необычайная работоспособность. «Жесткий» трудовой ритм. Казалось бы, в восемьдесят шесть лет можно было бы и «почивать на лаврах», спокойно взирать на все совершенное. Но, встречаясь с Александром Александровичем, убеждаешься, что подобный «образ жизни» был бы несовместим с тем зарядом внутренней энергии, который он несет в себе. И, размышляя об этом, невольно вспоминаешь слова великого пролетарского писателя М. Горького: «Труд — естественное состояние человека». Да, истинная радость в работе — вот что составляет суть жизни Касьянова.

Композитор открывает клавиш другой своей оперы — это «Фома Гордеев» по повести М. Горького (либретто Г. Санникова). С ее постановкой связаны счастливые мгновения его жизни: тогда Горьковский оперный театр вывозил «Фомку» (так ласково называет Касьянов свое детище) в Москву, показывал его в Кремлевском театре, где присутствовали многие представители музыкальной общественности, давшие высокую оценку и самой музыке, и работе всего постановочного коллектива!

Александр Александрович показывает «Фому Гордеева» от первой до последней ноты. Для него важно многое объяснить относительно общей драматургии оперы, принципов характеристики каждого действующего лица, массовых сцен. Во всем том, что говорил композитор, как бы лейтмотивом звучала одна мысль: стремление к максимальной достоверности в передаче даже самых на первый взгляд незначительных штрихов, не говоря уже о решении принципиальных задач. И действительно, слушая «Фому Гордеева», приходишь к мысли: да, такое могло произойти и происходило именно в Нижнем Новгороде, это нижегородский люд и нижегородские купцы, настолько характерен музыкальный материал, пронизанный интонациями песен, родившихся именно в этом уголке земли русской... Становятся понятными мысли Александра Александровича о том, что правде выражения он учился у А. С. Даргомыжского, «Каменным гостем» которого до сих пор восхищается.

Композитор еще не «отошел» от работы над оперой «Степан Разин», с большим волнением ожидает премьеры, которая планируется на конец нынешнего года. И тем не менее уже сейчас он думает о дальнейшей работе — над новыми пьесами для фортепиано, новыми романсами, хоровыми сочинениями, хочет вернуться к отдельным «забытым» произведениям раннего периода, которые просто требуют некоторой доработки, шлифовки.

О музыке Касьянова много писали в книгах, журналах, газетах, рассказывали в фильмах, телевизионных передачах. Я хочу напомнить слова Тихона Николаевича Хренникова, сказанные в связи с присуждением композитору Государственной премии РСФСР: «Творчество этого большого русского художника, несомненно, принадлежит к интереснейшим явлениям советской музыкальной культуры. Все лучшее из созданного им — это без преувеличения золотой фонд советской музыки».

ГОРЬКИЙ.

● Народный артист СССР А. Касьянов.

Фото Р. Богданова.